

Е. И. БОБРОВА

К новому истолкованию плача Ярославны

Так озаглавлена статья итальянского исследователя Эридано Бадзарелли, напечатанная в римском журнале «Сочьета́» в июне 1957 г.¹ Поскольку Бадзарелли в настоящее время известен у нас как автор единственной вышедшей в Италии монографии об Иннокентии Анпенском,² а статья о плаче Ярославны прошла как будто бы не замеченной нашими специалистами, мы решили вкратце познакомить с ней русских ученых.

Журнал «Сочьета», возникший в 1945 г. как трехмесячный, а с 1954 г. ставший двухмесячным, затрагивает на своих страницах многие социально-политические проблемы в международном масштабе, уделяет довольно большое внимание рабочему движению; поэтому появление там небольшой работы Бадзарелли на очень узкую тему по древнерусской литературе является несколько неожиданным.

Бадзарелли не цитирует русский подлинник, а все ссылки делает на последний итальянский перевод «Слова о полку Игореве», выполненный Ренато Поджиоли, где текст аннотирован Романом Якобсоном. Это издание считается вполне научно обоснованным.³ Как это будет видно из дальнейшего, не весь плач Ярославны служит темой данного исследования, а лишь самое его начало. Бадзарелли пишет: «Так называемый „Плач Ярославны“ запечатлевает, может быть, вершину лиризма „Слова о полку Игореве“». С эпизодом Ярославны связаны очень многие проблемы, как, впрочем, и со всем произведением. Но здесь, мне кажется, полезно высказать некоторые суждения, по крайней мере относительно строки, которую Поджиоли переводит: «Слышится мне голос Ярославны...». Жалоба Ярославны предшествует непосредственно рассказу о бегстве Игоря из половецкого стана, где его держали пленником, и следует за сожалением о временах Владимира. Надо иметь в виду эти два эпизода, так как они помогают нам понять глубокое лирическое побуждение, приведшее автора «Слова» к тому, чтобы заставить нас услышать как раз в этот момент голос Ярославны. Мои суждения исходят от того истолкования «Плача Ярославны», какое дает советский ученый Иван Новиков. В 1938 г. «Слово» появилось в переводе Новикова на современный русский язык, сопровождаемое рядом замечаний, где была изложена гипотеза по поводу автора этого сочинения.

¹ Eridano Bazzarelli. Per una nuova interpretazione del «Pianto di Jaroslavna». Società. Rivista bimestrale, Roma, 1957, № 3, Giugno, стр. 617—622.

² Eridano Bazzarelli. La poesia di Innokentij Annenskij. Milano, 1965 (Civiltà letteraria del novecento. Sezione russa, 1), 177 стр.

³ Cantare della gesta di Igor. Introduzione, traduzione e commento di Renato Poggioli. Testo critico annotato di Roman Jacobson. Einaudi ed. [Torino], 1954 (Nuova collana di poeti tradotti con testo a fronte, 4), 237 стр.

Эта гипотеза (я рассматриваю ее как подсобный материал для работы) позволяет нам лучше понять сущность и поэтический смысл многих иго-рианских эпизодов».

Далее Бадзарелли излагает толкование Новикова как по изданию 1938 г.,⁴ так и по его книге 1956 г.,⁵ правда, не затрудняя себя точными ссылками на текст этих работ. Бадзарелли главным образом интересуется мнением Новикова, что автор «Слова» принимал участие в походе и пережил поэтому все превратности в судьбе русских. «Эту мысль, — пишет Бадзарелли, — естественно, оспаривали многие (напр., Гудзий), мы также можем спорить об участии физическом и поэтико-сентиментальном автора „Слова“ в игоревой эпопее. Но примем эту мысль как гипотезу, воздержавшись до другого раза от ее углубления: она пока помогает нам уточнить поэтическое содержание „Плача Ярославны“».

К сожалению, в дальнейшем изложении текста Новикова у Бадзарелли вкралась крупная опечатка: вместо 1184 г. женитьбы Игоря указан 1084 г.

Для Бадзарелли наиболее важный вопрос как в комментариях Новикова, так и у других исследователей — «Кто слышит плач Ярославны?». Он принимает «палеографически обоснованное» толкование Е. В. Барсова:⁶ «Я слышу» (слышится мне), а относительно Новикова говорит: «Я считаю приемлемой главную мысль комментария: плач Ярославны лишь объективизированный отзвук многих чувств русских пленников, приписанный Ярославне. Он, возникая в их душе и „особенно в душе Игоря“ и поэта, переносится в Путивль. Скорбь пленников, их тоска по родине совпадают со скорбью и с тоской княгини: не исключено поэтому, что в то же самое время, или в другой раз, Ярославна „действительно“ плакала в Путивле, или в Новгороде, но этот реальный плач не интересует поэта. Проблема теперь в том, чтобы установить, нужно ли отнести „Плач Ярославны“, символ и объективацию тоски пленников, ко всем русским пленникам, или к поэту, который считается их товарищем, или к князю Игорю. То есть проблема в том, чтобы установить, к кому относится глагол „слышит“. Мои соображения имеют в виду как раз этот момент и расходятся с мнением Новикова, считающего предметом этого глагола поэта, и с мнением многих других комментаторов, предпочитающих рефлексивную форму, относящуюся к русским (к русским вообще или к пленникам). Я же хотел бы доказать значение догадки, выдвинутой в его переводе поэтом Аполлоном Николаевичем Майковым еще с 1872 года: „предметом является князь Игорь“».⁷

Далее Бадзарелли рассматривает текст данного отрывка «Слова» в первом издании 1800 г. и в «Екатерининской копии», ссылаясь главным образом на Д. С. Лихачева,⁸ на Р. Якобсона и на И. Новикова, противопоставляя мнению последнего толкование А. Н. Майкова. Основываясь также на палеографических «догадках», Бадзарелли приходит к выводу, что «грамматическим подлежащим» может быть Игорь, и он пишет: «Но если мы приписываем наибольшую интенсивность [чувства] князю Игорю, определяя его как субъект воздействия слышимого, нам не только

⁴ Слово о полку Игореве. Перевод, предисловие и пояснения Ивана Новикова. Общая редакция и вступит. статья проф. Н. К. Гудзиев. М., 1938.

⁵ Иван Новиков. «Слово о полку Игореве» и его автор. В кн.: Иван Новиков. Писатель и его творчество. М., 1956, стр. 13—115.

⁶ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Исследование. Части 1—3. М., 1885, 1887, 1890.

⁷ А. Н. Майков. Стихотворения, ч. 3. Изд. 3-е. СПб., 1872, стр. 248.

⁸ Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк. Изд. 2-е, доп. М.—Л., 1955

не нужно строить догадки по поводу текста, но этим мы подчеркиваем иной поэтический смысл автора „Слова“ ... и углубляем лирический диапазон выразительности ... Через плач Ярославны Игорь (имеется в виду Игорь в поэтическом преображении автора «Слова») выражает свою мучительную и томительную любовь к молодой жене. Но Игорь посредством плача Ярославны выражает не только это чувство. Он проявляет „также“ вновь ощущаемую скорбь о несчастном исходе похода и о погибших на поле сражения... Но как может Ярославна, находясь в Путивле, знать, что ее муж не погиб, а ранен? ... Факт тот, что Игорь, реальный субъект эпизода, передает Ярославне, мысленно им вызванной, также и свои собственные чувства. Тут концентрированное наслоение страстей и образов очень сильной лиричности. Плач Ярославны выстрадан Игорем этап за этапом, он „воображает“ жену, когда она плачет, он вспоминает жену на укреплениях Путивля, он „вызывает“ в памяти волнующие моменты битвы, он „испытывает“ мучительным образом желание почувствовать легкую руку супруги, обтирающую его кровотокающие раны... В то же время Игорь через свое страдание, которое становится песнью воспоминания, выражает также тоску поэта и остальных своих товарищей по плену.

Ясно поэтому, что эпизод Ярославны прочно связывается со всем произведением, что это не своего рода отступление, пусть даже лирическое, вставленное туда, чтобы прервать объективный ход событий. События происходят в сознании Игоря, а потом осуществляются в его поступке».

Указывая, что плач Ярославны следует за сожалением о временах Владимира, Бадзарелли пишет: «От скорбного воспоминания о счастливом времени Владимира Игорь, естественно, переходит к мучительному воспоминанию о своей супруге. И это двойное воспоминание делает более острым в сердце Игоря стремление к бегству. Оно имеет не только эгоистичное побуждение (возвращение к Ярославне), но и политическое объяснение: возможность или восстановления сил христиан после поражения, или примирения с половцами». Бадзарелли говорит, что дал достаточное доказательство вероятности такого прочтения текста 1800 г. и объяснения, почему Игорь является подлежащим к глаголу «слышит», к чему поэт А. Н. Майков пришел через свою художественную интуицию.

Статья заканчивается рассмотрением значения слова «зегзица», которое Бадзарелли склонен перевести как «чайка», основываясь на работе Н. В. Шарлеманя,⁹ так как чайка считается символом плача. К такому мнению Бадзарелли склоняется еще и потому, что этот же смысл дал термину в своем переводе «Слова» Т. Г. Шевченко.¹⁰

⁹ Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — ТОДРА, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 111—124.

¹⁰ Каким изданием перевода Т. Г. Шевченко пользовался Бадзарелли — не указано; он вообще не делает точных ссылок.